

Социологическое обеспечение экономической реформы

1990 г.

А. И. КРАВЧЕНКО

«МИР НАИЗНАНКУ»; МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕВРАЩЕННОЙ ФОРМЫ

КРАВЧЕНКО Альберт Иванович — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии АН СССР Наш постоянный автор

Безо всякого преувеличения категория «социальная превращенная форма» обладает столь же мощным эвристическим потенциалом, как, например, категория «идеальный тип», сформулированная и впервые широко апробированная в социологии Максом Вебером. Между тем, история распорядилась иначе: «идеальный тип», который до Вебера использовался Марксом, прочно вошел в арсенал социологической науки. Этого, к сожалению, нельзя сказать о «социальной превращенной форме». Видимо, причиной служит трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил.

Насколько нам известно. Маркс употребил этот термин только один раз в жизни — во втором черновом варианте «Капитала», т. е. в окончании экономической рукописи, созданной в период с августа 1861 по июль 1863 г. [1. с. 148].

Обращает на себя внимание тот факт, что понятия «социальная превращенная форма» и «отчуждение» используются Марксом как рядоположенные, но не обязательно как синонимы. Их парное употребление свидетельствует скорее о том, что оба понятия стоят среди важнейших, принципиальных по своей значимости экономико-социологических категорий. Не случайно Маркс применил к понятию «превращенная форма» определение «социальная». В данном случае речь идет о социальных отношениях и коллективном труде работников, а не об экономических отношениях, как в других произведениях Маркса, например, в «Капитале», где используются выражения «процесс превращения», «превращенная форма» при объяснении механизма обращения капитала, обмена товаров и т. д.

Категория «превращенная форма» относится не только к числу самых важных, но и самых ранних в учении Маркса. Впервые о ней идет речь в «Конспекте книги Джемса Милля „Основы политической экономии“»,

который он составил в первой половине 1844 г. Маркс описывает важнейшие признаки, отражающие суть явления и его теоретическую матрицу. Первый признак — замещение реальных отношений (между людьми или вещами) символическими (деньгами); второй — замещение явных отношений, которые эмпирически фиксируются либо переживаются символическими, невидимыми, скрытыми; третий — доминирование символических и скрытых отношений; четвертый — отрыв такого рода иллюзорных (ненастоящих) отношений от нормальных (реальных) и превращение их в самостоятельную сущность, господствующую над людьми. Символические отношения, затаившиеся при нормальном ходе вещей на втором плане и вдруг выступившие на первый — это, по существу, абстрактные отношения. Нормальное отношение — это обмен товаров между людьми. Даже вторжение денег в качестве посредника еще не переворачивает первоначального отношения. По вот когда деньги, символизирующие стоимость (которая и есть абстрактное отношение), начинают подчинять себе обычные человеческие отношения, т. е. когда человек становится рабом денег, тогда и только тогда можно говорить о превращенной форме. В качестве посредника могут выступать не только деньги, но и, например, документы.

Трудовая деятельность человека, лишенная своей действительной общественной связи, выражаясь словами молодого Маркса, оказывается мукой, а «его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью, сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, — несущественной связью... его производство — производством его небытия, его власть над предметом оказывается властью предмета над ним...» [2, с. 21].

К примеру, постоянный дефицит товаров не только парализует социальную активность, создает напряженность в отношениях между людьми и открывает широкие каналы для спекуляции и хищений. Выражаясь языком социологической теории, товарный дефицит при социализме — это такое положение дел, когда производство общественного богатства становится производством общественного небытия. Дефицит, исключая возможность естественных связей в обществе, выстраивающий людей в огромные очереди, обрекающий их на талоны и карточную систему, воровство и спекуляцию, безумную погоню за вещами, означает, что в таком обществе власть человека над предметом превратилась во власть, предмета над ним.

Определение превращенной формы, данное Марксом в «Экономиче-ско-философски\ рукописях 1844 года» [3], важно для нас во многих отношениях. Оно завершает начатый ранее анализ, доводит его до логического конца, до совершенной ясности. Превращенная форма создает двойной мир — один настоящий, другой иллюзорный. В этом «мире на-выворот» иллюзорное занимает место реального и воспринимается как единственно реальное бытие. Причем, подмену человек не замечает и по должен замечать. Оба мира — первоначально реальный и иллюзорный (вторично реальный, ставший реальным благодаря искажению общественных отношений) — противоположны и противоречат друг другу.

Все признаки превращенной формы — раздвоенность, подмена одного другим, противоположность и противоречие — крайне важны для правильного понимания ее природы. Если их не учитывать, то превращенную форму легко спутать с другими, похожими на нее категориями, например, отчуждением. В отчуждении какое-то качество человека, черта межиндивидуальных или общественных (коллективных) отношений отрывается от носителя (субъекта) этих качеств или черт и становится чем-то самостоятельным, а затем и господствующим над субъектом. Для Маркса было неважно, переживает как-то индивид состояние отчуждения

или нет. Для него отчуждение — объективно существующее отношение коллективного бытия людей, независимое от их воли и сознания.

Однако для всей западноевропейской и североамериканской традиции отчуждение, как правило, связано с психологическим ощущением потерянности в мире, утратой смысла жизни, значимости своего «Я» для этого мира. Без такого переживания отчуждения нет. Поэтому зарубежные социологи измеряют отчуждение с помощью социально-психологических тестов. В марксовской концепции отчуждения такого в принципе быть не может. У Маркса отчуждение, как у Дюркгейма аномия, есть подавление индивидуальной активности социальными институтами, объективные характеристики социальной структуры, а не субъективные чувства людей.

Аномия у Дюркгейма — это отсутствие общепринятых норм и стандартов поведения, твердых законов и социальных гарантий, своего рода смутное состояние. Аномия может существовать только на уровне большой социальной группы, но никак не индивида. Отчуждение у Маркса — это субъектное, но не субъективное отношение. Признаками и условиями отчуждения у него выступают разделение и специализация труда, частная собственность, эксплуатация. Современные западные социологи, напротив, чаще сводят отчуждение не к субъектным, а к субъективным отношениям. Наиболее известная концепция отчуждения принадлежит М. Сману (1959), который выделил следующие переменные: отстраненность от власти (безвластие), бессмысленность, отсутствие норм, изоляция и самоустранение [4; 5]. Все пять характеристик описывают субъективные ощущения объективно существующих условий коллективного бытия. Точно так же поступали Дж. Неттер [6] и Р. Блаунер [7], измерявшие степень отчуждения с помощью шкалы установок. Часто выходило, что, измеряя отчуждение, социологи измеряют также аномию, и наоборот. Настолько оказались близкими оба понятия.

Итак, отчуждение описывает одновременное субъективное ощущение потери смысла жизни, изолированности, подконтрольности, а также объективное явление разрушения каких-то социальных институтов или структур. Как правило, у Маркса не прослеживается одна-единственная трактовка проблемы, напротив, в его работах встречаются самые разные, едва ли не отрицающие друг друга оценки: отчуждение то разрастается в него до метафизического знака, под которым проходит развитие современной цивилизации, то сводится чуть ли не к технической операции, например, отделению (отчуждению) работников от управления.

Нет единства у Маркса и в понимании превращенной формы. В одном случае она выражает результат технико-экономического по своей сути процесса обращения капитала, в другом разрастается до вселенских масштабов раздвоения мира. Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный. Какой-то устоявшейся трактовки он не дал и, видимо, подобной цели не преследовал вовсе.

Тем не менее некоторые различия между отчуждением и превращенной формой удастся обнаружить. Во-первых, превращенная форма, в отличие от отчуждения, никогда не бывает субъективным переживанием, хотя может существовать и на индивидуально-групповом уровне. Во-вторых, структурно она представляет более комплексное явление, в котором отчуждение может выступать всего лишь частью. В-третьих, отчуждение необязательно должно завершаться удвоением и перевертыванием мира, но превращенная форма, как правило, содержит в себе отчуждение как один из своих этапов.

В советской литературе одно из самых ранних — и до сих пор, пожалуй, самых обстоятельных — исследований превращенной формы

принадлежит М. Мамардашвили. Согласно его предположению, подобная форма, являясь результатом искажения внутренних связей социальной системы, скрывает их фактический характер, подменяет видимыми, или косвенными. Искаженные связи обретают настолько прочную самостоятельность, что начинают вести себя как отдельное, качественно новое и самостоятельное образование. В этом и состоит проблема превращенной формы: искаженные связи (черты, свойства, качества) настолько очевидны, что их можно фиксировать эмпирическим путем, напротив, о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться. Превращенная форма выступает своеобразной субстанцией, носителем этой видимости [8, с. 386].

Превращенную форму иначе можно интерпретировать как особую, если можно так выразиться, порочную разновидность обычного (классического) соотношения философских категорий формы и содержания. «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное „сущностное“ значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем... роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы... Прямое отображение содержания в форме здесь исключается» [8, с. 387].

Как известно, человеческий труд выступает, с одной стороны, как преобразование вещества природы по заранее составленному плану, а с другой — как затраты физических и умственных сил человека, напряжение тех органов, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность. Можно ли представить себе такой труд, в котором присутствовала бы только одна его сторона, допустим, усилия затрачиваются, а никакого выпуска продукции, не происходит?

Если судить с точки зрения здравого смысла, то, конечно, нет. Труд потому и называют производительным, что он добавляет нечто новое: новые автомобили, жилые здания, радиоприемники или инженерные разработки. Но представить себе затраты физических и умственных усилий, ничем не завершающиеся, как-то сложно. Тем не менее, такой «труд» существует и его можно назвать непроизводительным. Как и производительный, он имеет множество конкретных форм и разновидностей. Одна из них — «работа с прохладцей». В свое время об этом феномене писал американский ученый Ф. Тейлор. Сейчас его называют «рестрик-ционизмом» — сознательным ограничением нормы выработки, а Тейлор называл «саботажем». Это слово не вошло ни в экономические, ни в социологические словари. И только в «Советском энциклопедическом словаре» (1986) мы встретим следующее определение: «Саботаж (франц. sabotage), сознательное неисполнение определенных обязанностей или небрежное их исполнение. Советское уголовное право приравнивает саботаж, направленный на ослабление Советского государства, к вредительству».

Саботаж как открытая форма коллективного поведения, приводящая к неисполнению определенных обязанностей, по существу, является забастовкой. На этом основании в 30—40-е годы уголовное право квалифицировало любую забастовку как саботаж, а ее зачинщиков — как вредителей. Получался парадокс: забастовка не признавалась Конституцией СССР в качестве законного средства защиты рабочими своих коллективных прав, но и не запрещалась, поскольку повсеместно заявлялось

о существовании в нашей стране «самого демократического общества», ставящего своей целью защиту интересов рабочего класса. Забастовок как бы не было, о них не писали и не говорили. Но если нечто похожее случилось, его объявляли саботажем и безжалостно расправлялись с «вредителями». Именно так поступили с новочеркасской забастовкой и 1962 г.. расстрелянной спецвойсками.

Саботаж в принципе запрещается п.ли. по меньшей мере, не поощряется в любом государстве. Поэтому рабочие придумали скрытый саботаж. Только его правильно назвать «работой с прохладцей». Он намного безопасней для исполнителей, но приносит не меньше, а гораздо больше вреда руководителям. Феномен рестрикционизма распространен во всех индустриальных странах и существует без малого 200—250 лет. Никаких надежных средств борьбы с «социальной коррозией» производства не придумано. Лучшее лекарство — демократизация системы управления.

Суть «работы с прохладцей» в том, что рабочие физически могут, но психологически не хотят выполнять производственное задание, тем не менее делая вид, что трудятся изо всех сил. В этой работе по видимости и заключается суть дела. Тейлор, наблюдая поведение своих товарищей-рабочих, писал о том, что в мастерской все были в сговоре относительно нормы выработки. «Я думаю, что мы ограничивали эту норму одной третью того, что мы свободно могли бы производить») [9. с. 71]. Причем, открыто никто не приостанавливал работу. Напротив, в присутствии администрации все делали вид, что усиленно трудятся. Но стоило надзирателю покинуть помещение, как рабочие тут же прекращали свою деятельность.

Оставим вне поля зрения те приемы и уловки, на которые пускаются рабочие для того, чтобы обмануть бдительность администрации. Важно охарактеризовать социально-философскую сущность проблемы.

Если работник часть дня не производит ценностей, пусть даже не бездельничает, а, что называется, «прохлаждается», то его труд — лишь видимость труда, поскольку в нем нет общественно полезного содержания. При дневной норме в 100 деталей он изготавливает только 80, но делает вид, что трудится «на все сто».

Сведение работы к видимости трудовой деятельности лишает труд материального содержания, а «деятельность без предмета,— не уставал повторять К. Маркс— есть ничто или в лучшем случае есть мыслительная деятельность» [10. с. 216]. Да и мыслительной ее можно назвать разве что по недоразумению.

В производительном труде его содержанием выступает изготовление материальной продукции, т. е. преобразование вещества природы, а формой — затраты физических сил, напряжение рук. Рабочий берет заготовку, ставит ее под пресс, а затем снимает готовую деталь. Форма может быть другой, если вместо человека эти операции выполняет автомат: затраты физических сил здесь не происходит. По содержанию остается —на конечной стадии выходит вещь, которая обладает потребительной ценностью.

В «работе с прохладцей» все перевернулось: форма стала самоцелью и даже содержанием, а реальное содержание исчезло. Цель человека уже не изготовить продукцию, а задержать ее производство, не утверждать нечто, а отрицать его. Видимая форма действительных отношений обособилась, стала самостоятельной сущностью. Она главный герой новой «пьесы» в коллективном поведении, так как для рабочих главное— обмануть администрацию, скрыть истинное безделье Р1 внушить ей, что все идет как надо.

Производительный труд стал непроизводительным, реальные трудовые усилия заменены демонстративными, показательными, истинная форма — пре-

вращенной. Момент демонстративности в коллективном поведении очень важен. Он возникает как бы сам собой, автоматически. Вспомним слова о сговоре рабочих: он присутствует во всех случаях рестрикционизма. Конечно, рабочие не террористическая группа, не политическая партия или организованная банда.

В слове «сговор» ничего страшного не содержится: это лишь процесс совместного обговаривания правил поведения, достижение консенсуса в малой группе по поводу распределения ролей. Вначале он выражает себя в массовом недовольстве чем-либо («квалываешь, как лошадь, а платят копейки»). Постепенно формируется «команда ворчунов», если недоплата — массовое явление. С опаской и очень осторожно рабочие начинают выяснять мнение друг друга: а что если работать поменьше, раз уж все равно платят мало. Кто-то подает пример, который тут же становится образцом для подражания, ибо эмоциональная почва для его восприятия подготовлена. Свой «уговор» малая группа держит в тайне, хотя опытный администратор с первого взгляда видит ухищрения. Но если он жестко пресекает бунт, то рабочие отомстят в другой раз. принеся гораздо больший вред.

То, что на философском языке называют превращенной формой, в реальном поведении людей есть самая обычная неформальная норма коллективных действий, отражающая несогласие исполнителей с принципами руководителей. Однако подобные нормы, будучи звеном экономической системы, а также массовым социальным явлением, перестают, быть частным делом группы людей. Сознательное ограничение производительности, обусловленное действующим хозяйственным механизмом, перерастает границы неформального правила, становясь всеобщей экономической нормой, объективной закономерностью. Выражаясь словами М. Мамардашвили, видимая форма, оторвавшись от реальных отношений, именно благодаря своей обособленности и бытийности играет «роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами» [8. с. 387].

Изучая наследие Маркса, экономисты эпохи «развитого социализма» говорили о том, что категория превращенной формы к нашей реальности неприменима или применима отчасти, пока сохраняются деньги [11]. Ведь при социализме, вспоминали они слова автора «Капитала», «общественные отношения людей к их труду и продуктам труда остаются... прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении» [12. с. 89]. Даже в эпоху гласности и перестройки наши обществоведы не смогли освободиться от идеологических мифов. Так, в единственной на сегодня крупной монографии по этой теме по-прежнему утверждается, что превращенная форма характеризует только буржуазное общество и служит средством идеологических диверсий [13]. Возможно, что к идеально-типической модели социализма, а именно таковую, по собственному признанию, и создавал Маркс (другой он просто не мог предложить в то время). слова о прозрачно ясных отношениях вполне применимы. Но мы живем совсем в другом социализме, в том, который мы с таким трудом и огромными ошибками построили. В этом обществе, как и вообще в реальной повседневной жизни людей, никогда не было и не могло быть прозрачно ясных отношений. Мнимое и ложное здесь пересекается с реальным и истинным. Такова подлинная жизнь, без вымысла и теоретических абстракций.

Нет ничего удивительного в том, что в одной плоскости социализма существуют реальные достижения (пусть весьма скромные) и явные извращения. Организованная преступность, коррупция, охватившая значительную часть системы управления, подростковые бандитские формирования, терроризирующие население многих городов,— это и есть превращенные формы коллективных отношений, лишенные общественно

значимого и общественно полезного содержания деятельности. И вместе с тем они составляют ту часть социальной реальности, которую призван изучать социолог.

Сюда же следует отнести отчуждение труда, которое якобы совсем не характерно для социализма, скрытую эксплуатацию труда со стороны государства, содержащего раздутый бюрократический аппарат именно на вычеты, изъятия прибавочной (и в значительной мере основной) СТОИМОСТИ продукта труда рабочих. В том же ряду условий, порождающих превращенные формы, т. е. двойной мир ценностей, стоят и такие категории, как товарный характер рабочей силы и наемный труд, безработица и принудительный характер труда — и все это как реальные, а не мнимые «достижения» социализма. На другом полюсе находятся ограниченное частное предпринимательство в виде индивидуальной и кооперативной деятельности, акционерные и смешанные предприятия.

Зона частного предпринимательства и товарная экономика, если верить Марксу, издавна служили рассадником превращенных форм. Перенесенные из капитализма в социализм, они лишь добавляются к тем, которые порождены новым общественным строем, а не исчезают, не ограничивают сферы действия собственно «социалистических» превращенных форм.

Превращенная форма, однажды проникнув в ткань производственных отношений, парализует хозяйственный механизм, заставляя работать ради ложных целей, надуманных производственных заданий. Формируется расточительное отношение к ресурсам и человеческому фактору, которое ведет к росту числа контролирующих инстанций и разбуханию управленческого аппарата. Сверху лимитируются материальные и трудовые затраты, вводятся задания по их экономии. Утверждаются показатели качества продукции. Вводятся санкции за выпуск устаревших изделий, за превышение дефицитных видов сырья и материалов. Однако тем самым сужается сфера самостоятельно принимаемых решений. Разбухает аппарат планирующих, снабженческих, финансовых, контролирующих органов. «Парадокс: нарастающий шквал лимитов приводит к еще большему желанию потребителя перестраховаться, запастись, обеспечить себя па всякий пожарный случай» [14].

Существующая система оценки деятельности предприятий (за выполнение плана независимо от реально созданных источников капиталовложений) ставит в привилегированное положение те коллективы, которые предусмотрели завышенные нормы расхода сырья и низкие показатели производительности труда. Им легче перевыполнить план и числиться в передовиках. Труднее приходится тем, кто работает эффективно.

Общество, говорил Маркс, никогда не было твердым кристаллом, застывшей косной массой. Это постоянно изменяющийся живой организм, в котором одни отношения превращаются в другие, организм, «находящийся в постоянном процессе превращения» [11, с. 11]. Процесс превращения, как и движение крови в организме, должен идти непрерывно. Стоит ему остановиться, как в работающих органах начинают откладываться соли. Это признак старения или болезни. Превращенные формы — это своеобразные кристаллы. В одно прекрасное время их становится очень много и они парализуют живые ткани. Общество достигает социального паралича.

Признак социального паралича — глубоко зашедший процесс отчуждения. Отчужденная форма, которой подчиняются социальные отношения, переворачивает их «таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования» [3, с. 93]. Под сущностью человека надо понимать, конечно же, не

просто совокупность общественных отношений, а такие отношения — здесь придется прибегнуть уже к формуле М. Вебера,—которые, будучи приведенными к нравственному знаменателю, составляют единство с этикой убеждения и этикой ответственности. Превратить свою сущность в средство своего существования— значит принести горнее в жертву дольнему, возвышенное — низменному. Унижая свое достоинство, человек дает администратору взятку (хотя это крайне противно ему делать) ради того, чтобы устроить в вуз сына, получить квартиру, продвинуться по службе, т. е. облегчить себе жизнь. Сущность (этические и нравственные принципы, за которые иной готов отдать жизнь) превращается в средство существования.

В таксомоторных парках и на автотранспортных предприятиях процветают чаевые: водители дают «трешку»; мойщику, «пятерку» — слесарю-ремонтнику, табельщице, а вкладчину они отчисляют процент начальнику цеха. Кроме нравственного разложения, налицо социальный паралич коллективизма. Круговая (групповая) порука — превращенная форма коллективизма, ибо по форме, т. е. по видимости, здесь вроде бы взаимовыручка, сплоченность, товарищеская помощь, а на деле, т. е. по содержанию,—продажность, подхалимаж, подкуп («ты — мне, я — тебе»), деличество, ничего общего с социализмом не имеющее. Хотя взятки и подкуп здесь вынужденная форма поведения. Они необходимы для того, чтобы водитель получил исправную машину. В действительности же это прямая обязанность технического персонала и администрации. Значит, последним выгодно специально не выполнять свои прямые обязанности, заставляя водителей преступать закон и совесть: мол. не дашь «пятерку», не на чем будет работать. За выполнение своих прямых обязанностей — за что государство выплачивает зарплату — техперсонал получает дополнительные чаевые. Превращенная форма через систему неписанных норм поведения разрослась до особого механизма, выворачивающего нормальные отношения наизнанку. И так это делающего, что извращенные отношения воспринимаются индивидом как естественные и единственно возможные.

Поборы, или взятку надо рассматривать как вымогательство незаконного вознаграждения за какую-то конкретную услугу, входящую в прямую обязанность данного лица. Вымогательство может стать полудобровольным, когда человека ставят в такие условия, что он вынужден давать взятку. Подачки и чаевые — это несколько другое, это когда до вымогательства дело не доходит: не взять сдачу в такси, сунуть рубль в карман слесарю или швейцару. Более серьезной формой является превращение общественной собственности в источник личной наживы. Проводник выдает пассажиру несвежее, судя по всем признакам, использованное белье, провозит за определенную мзду безбилетника. Государственный вагон, доверенный ему в соответствии со служебными обязанностями, превращается в частную лавочку. Иной становится частным кондуктором на государственной дороге, кладет считанную только им выручку себе в карман.

Формула Маркса «деньги суть превращенная форма товара», а «поштучная оплата — превращенная форма повременной (и наоборот)» [11. с. 561] достаточно прозрачна, если ее действие ограничивается сферой экономических отношений. Но будучи перенесенной в социальную, она чрезвычайно усложняется. Чаевые, взятки и т. п. суть те же самые деньги, но уже не в форме товара и не платы за товар, а оплата каких-то социальных выгод, которые достигаются в обход закона и действующих хозяйственных механизмов. К коллективной, совместной собственности (заводской транспорт, заводские путевки в санаторий и т. п.) те, кто занимает социально привилегированное положение, начинают относиться

как к «своей». Обычно такое отношение мы приветствуем и называем хозяйским. Нам не хватает хозяина производства. Но коллективного, а не индивидуального, превратившегося в частника. Возможность для начальства относиться к коллективному добру как к частному двору и есть превращенная форма социально-экономических отношений.

Власть (формальная) не принадлежит личности, она принадлежит должности. Она может негативно персонифицироваться, т. е. использоваться в личных целях. Это явление подобно феномену так называемого негативного лидерства, когда группа становится средством осуществления целей лидера в ущерб собственным. Негативное, или превращенное руководство отличается тем, что его осуществление может расходоваться (реально) или мнимо сходиться с целями общества. Начальник использует бригаду для отделки собственной квартиры или в НИИ группа сотрудников пишет за руководителя диссертацию. Другой случай: начальник искусственно сдерживает рост квалификации подчиненных, которые реально давно переросли рамки своей: должности (по уровню компетентности). Однако руководитель оставляет их на низшей должности, используя наработанный ими материал для собственной статьи, книги. Содержанием превращенной формы выступает здесь эксплуатация чужого труда. Примером превращенной формы выступает также псевдоделегирование. Истинная форма делегирования — это передача части прав на нижестоящие уровни управления. Автономной группе или бригаде делегируются некоторые частные задачи и права: распределять работу и порядок выполнения операций, начислять КТУ и т. п. Делегирование — это, по существу, процесс изменения детального контроля (эквивалента мелочной опеки) в общий контроль (эквивалент демократического управления). Руководитель больше доверяет подчиненным, ограничиваясь постановкой общих задач и контролем конечного результата, а не самого процесса труда. У подчиненных возрастает объем свободы действий и ответственности, материальным базисом для которых служит хорошая организация труда. Таким образом, материальной основой делегирования выступает четко продуманная система взаимосвязи функций, своевременное обеспечение сырьем, инструментами, отсутствие произвола и субъективизма со стороны администрации при оценке конечных результатов работы.

Псевдоделегирование — делегирование лишь по видимости, а по существу нечто прямо противоположное. Это превращенная форма управления трудовым процессом. Ее характерные черты: 1) стихийная организация труда — несвоевременное обеспечение сырьем, инструментом, материалами, отсутствие квалифицированных кадров, разделение работ на «выгодные» и «невыгодные»; 2) перекладывание администрацией своих функций на плечи самих исполнителей. Последний признак определяет сущность псевдоделегирования. При отсутствии нормальной организации труда (включающей в себя конкуренцию талантов) налаженная структура социальных отношений в коллективе разрушается, появляются протекционизм и произвол.

Превращенная форма, подчинившая себе коллективные отношения на предприятии, переворачивает социальную организацию труда, трансформирует его содержание. Из способа кооперации и сотрудничества различных групп социальная организация превращается в разновидность круговой поруки. В этом случае можно утверждать, что социальная организация — это переиначенная, приспособленная работниками под себя, свои групповые интересы система власти и полномочий. Показателем превращенной организации выступает, например, то, как используются в личных целях формальные механизмы, допустим, общее собрание коллектива для преследования за критику, выгораживания лодырей и расхитителей. Подобные случаи весьма распространены. Человек привлечен к

уголовной ответственности, а в суд идет положительная характеристика, принятая на общем собрании завода или цеха.

Другой показатель превращенной формы социальной организации - «работа с прохладцей», но не на индивидуальном, а на коллективном уровне. Она служит элементом социального механизма, при помощи которого узаконивается средний уровень выполнения работы, если он считается нормальным я не стимулирует к достижениям. Формы проявления такого механизма в следующем: 1) «наказываются рекорды», т. е. перевыполнение нормы наказывается снижением расценок; 2) власть в организации получают те, кто работает средне, посредственно: средненький директор «пригрел» средних начальников отделов, а те преследуют умных, критически мыслящих сотрудников, воспринимая их как угрозу своему положению. На этой почве формируются сложнейшие механизмы изживания передовых, прогрессивно мыслящих людей путем доносов, создания послушного общественного мнения, выставления таких людей в негативном виде (очернение). Сюда надо зачислить психологическую атмосферу «болота», пристрастную расстановку кадров, подтасовку документов и объективной информации.

Социальные отношения развиваются по формуле «ты — мне, я — тебе». Их цель — защита или охрана «своих» людей, т. е. предпочтение одних — «значимых» другим — «незначимым». Формируются отношения плановости или групповщины. Круговая порука и есть социальная превращенная форма взаимоотношения людей.

Анатомия превращенной формы коллективных отношений в данном случае такова. Когда я оказываю другому какую-то услугу сверх нормального (сверх служебно-должностных, родственных, деловых, проста личных отношений), я ставлю его в зависимость от себя, т. о. говорю, что и он мне должен будет ответить когда-то такой же услугой. Это авансирование будущих услуг себе. Тот другой становится — причем, объективно, в силу специфических правил «игры» и особенностей подобного механизма отношений— лишь средством для меня, средством достижения моих эгоистических целей. Я даю ему «подарок» (взятку, услугу), чтобы он устроил «моего» человека в институт, на выгодную работу, повысил в должности. Иными словами, я делаю его своим должником.

В этом случае нарушаются, во-первых, нравственные принципы, во-вторых, юридические законы. Нравственный подлог состоит в нарушении социальной справедливости: но своим знаниям, квалификации, деловым качествам мой протеже не достоин поступления в институт, но я добиваюсь этого, оттесняя других, более достойных. Юридическая неправомочность подобной акции вытекает из ее характера как незаконной сделки: я стремлюсь заполучить такие блага, которые нельзя достичь законным путем. Здесь мы вправе провести аналогию с феноменом «работы с прохладцей»: я сам или «мой» человек, которого по благу пристраивают на «теплое местечко», получает сверх заслуженного, т. е. «нарабатывает» меньше, чем получает. Квалификации моего протеже хватает, допустим, на должность младшего научного сотрудника, а по благу он получает ставку старшего. В негласном «соревновании» он обходит других, более достойных.

Фактически отношения «ты — мне, я. - тебе» суть всегда групповой сговор, тайная, скрываемая от других сделка обычно двух людей. Но вместе с тем это нарушение обычных деловых отношений, основанных на профессиональной чести и конкуренции естественных способностей. Другой талантливее, значит, он и должен продвигаться по службе. Но я захотел себе что-то урвать, стать в социальном отношении равным ему, хотя оснований для этого не имею. Я ищу обходные пути, будучи уверен в том, что не выдержу естественной конкуренции талантов. Обходные

пути нарушают соперничество равных. Я прибегаю к внеконкурентным, т. е. более мощным рычагам и зачеркиваю естественное соревнование. Такого рода превращенная форма подобна «долговой яме», в которую попадают оба агента тайных отношений. Они вынуждены скрывать их, опасаясь разглашения. Провозвестником подобных отношений всегда выступает заурядная человеческая зависть. Я не имею тех способностей, какие есть у другого, но завидую и хочу стать равным ему, поэтому ищу обходные пути. Причем, отношения зависти и попытки облегчить себе жизнь заразительны для других; им легче подражать. Надо всего лишь быть как все, те которые идут обходным путем, но их не наказывают, значит, и мне позволено. Создается цепная реакция. В отличие от этих, нормальные человеческие отношения распространяются с гораздо меньшей скоростью. Их анатомия не строится на принципе цепной реакции, ибо нравственные отношения, основанные на конкуренции способностей и социальной справедливости, требуют больше труда, усилий, времени. Идти же в обход всегда легче (как и «работать с прохладцей»).

Поиск обходных путей и протекция — это, по существу, имитация реальных отношений, естественно возникающих между людьми в обществе, которое не разъедается социальной коррозией. Как и при «работе с прохладцей», партнеры играют в настоящие отношения, делают вид, что соблюдают их. Так, актер в кино играет роль сталевара и выполняет ту же совокупность операций, что и реальный сталевар (иначе нельзя, актеру просто не поверят). Но разве это реальный труд? Нет, конечно, это его мистификация, имитация. То же самое происходит с актером, за кульманом играющим роль инженера. Не то ли мы видим у инженера, когда он имитирует реальную работу, т. е. стоит за кульманом, совершает какие-то похожие на творчество движения, но реального продукта не дает?

Когда «работа с прохладцей» разрастается до масштабов социально-экономического механизма, т. е. становится превращенной формой управления, среди ее основных признаков обнаруживаются следующие:

1. Совместный труд и его кооперация дают меньший, а не больший эффект, чем сумма разрозненных индивидов. Напротив, нормальная кооперация, как показал Маркс, дает значительный прирост производительности по сравнению с совокупностью индивидов.

2. Рабочие, объединенные в бригаду, стремятся сделать не больше, а как можно меньше за день. С этой целью они приостанавливают работу еще до окончания смены. Нормальная же организация труда побуждает индивида давать максимум, а не минимум продукции.

3. Цели малой группы противоречат целям более крупной социальной системы — предприятия, общества. Например, цель неформальной группы — снижение или сдерживание производительности труда, а цель общества — ее увеличение.

4. Рабочие места, на которых можно трудиться вполсилы, как магнит притягивают кадры оттуда, где действительно надо вкалывать.

5. Ненормированный рабочий день («приработок», дополнительная работа) научных сотрудников выступает превращенной формой недоплаты за квалификацию. Известно, что высококвалифицированный умственный труд у нас оплачивается ниже физического труда. Это и побуждает ученых пополнять семейный бюджет «левой» работой.

Превращенной формой безработицы на полном основании надо считать дефицит рабочей силы. Как известно, в первые годы Советской власти в стране существовала безработица, составлявшая в среднем 15%. К началу 30-х годов она исчезла, а с конца 60-х и вплоть до наших дней происходит обратный процесс — безудержное нарастание «пустых» рабочих мест. К 1985 г. резерв рабочих мест равнялся уже 15%. Уничтожив

безработицу, подводит итоги своим статистическим выкладкам Б. Н. Беляков, социализм породил совсем иное явление — «превращенную безработицу в форме избытка рабочих мест» [15, с. 33—34].

На поверхности явлений все происходит как в классической пьесе, написанной по сценарию превращенной формы: на предприятиях не хватает рабочих. Газеты пестрят объявлениями «требуется, требуются...». В глубине же «сцены» — избыток рабочих мест. Рабочей силы не хватает именно потому, что на большинстве предприятий раздутые штаты, а это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией их труда. Там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас — пятеро (официальный уровень производительности труда в советской промышленности ниже американской в 2,5 раза).

Однако дело не только в производительности труда. Хуже нормативных у нас и условия труда, поскольку «15-процентная избыточность числа рабочих мест означает, что условия труда основной массы работающих на 15% ниже тех, которые объективно могли бы быть» [15, с. 34]. Наличие излишних рабочих мест означает также, что, во-первых, рабочие места заняты работниками, имеющими уровень квалификации ниже нормативного; во-вторых, работникам не обеспечивается право на квалифицированный, творческий труд и благоприятные условия труда. Если от явной безработицы в первую очередь страдают те, кто не имеют работы, то от превращенной безработицы — те, кто добросовестно трудятся.

Оба вида безработицы чуть ли не в равной мере придают (а может быть, выступают следствием этого) рабочей силе товарный характер. «Перепроизводство рабочих мест... создает предпосылки для превращения рабочей силы в товар. Это незамедлительно сказывается на социальной жизни общества, черты товарности приобретают общественные отношения, которые при социализме не должны иметь таких признаков» [15, с. 35].

Однако товарность общественных отношений опять же приняла превращенную форму, т. е. общественные отношения являются таковыми лишь по видимости. Товарность — конкуренция за рабочие места и свободный найм — существует только для социальной группы, отстраненной от принятия управленческих решений. Иначе говоря, отстраненной от рычагов власти, от возможности контролировать и распоряжаться ключевыми постами в экономике. Что опять же нарушает столь естественный (по крайней мере, в теории) принцип социальной справедливости: верхи имеют доступ к таким постам (а значит, социальным привилегиям), а низы — нет.

Таковыми группами оказались рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, занятые исполнительским трудом. Им предоставлялось право свободно наниматься па работу, самим искать место под солнцем, преодолевая подчас невероятные трудности. Однако увольнение с работы не в их власти. В условиях Административной системы существует целый набор санкций вплоть до увольнения, которые применяются по инициативе руководства. Увольнение, т. е. лишение человека права на труд, всегда чревато серьезными осложнениями для исполнителя. Нередко им маскировали самое примитивное сведение личных счетов, месть за критику, освобождение от неугодных работников. Внешне любое увольнение как-то обосновывалось и вроде бы не противоречило трудовому законодательству. На самом же деле все было далеко не так.

В Административной системе руководители и исполнители поставлены в неравные социальные условия (неравные ли это функциональные отношения — одни управляют, другие подчиняются — вопрос иной). Дело в том, что найм на работу и увольнение с работы для этих групп происходит по-разному. Управленцы чаще всего устраивают «своих» людей

по звонку, по знакомству или устной рекомендации. Им как бы зарезервированы «теплые места». И увольнение для них вовсе не увольнение, а перемещение на другую должность даже в том случае, когда ими совершено серьезное нарушение. А исполнители в массе своей подвержены действию стихийных сил рынка труда. Между приемом и увольнением полная асимметрия: найм происходит по собственной воле, а увольнение — по чужой.

Если бы в нашем обществе действовали нормальные (а не превращенные) товарные отношения, то шансы на трудоустройство и увольнение для обеих групп были бы одинаковы: перед экономическими законами все равны. Скажем больше: если бы в нашем обществе действовали реальные социалистические отношения, основанные на плановом распределении рабочей силы, то в этом случае их шансы (а стало быть, и социальная карьера) опять-таки были бы уравнены. Ибо теоретически социализм не допускает незаслуженных привилегий даже для руководителей. Они естественны скорее для феодализма и его разновидностей (типа казарменного социализма). Только в первом случае условия социального старта и финиша (найм и увольнение с работы) выравнивают стихийные, а во втором — планомерно регулируемые механизмы. Оба они, несмотря на качественное несходство, действуют одинаково справедливо по отношению к индивидуальному работнику.

Товарные и социалистические механизмы распределения рабочей силы одинаково сильно привязывают человека к рабочему месту. В первом случае его удерживают конкуренция и безработица, а во втором — отсутствие конкуренции и превращенная безработица. Иными словами, в товарном хозяйстве действует метод экономической привязки к рабочему месту, а в так называемой бюджетной экономике — метод волевой привязки.

Недопроизводство и перепроизводство рабочих мест отрицательно влияют на мотивацию исполнителей, усиливая чувство страха и зависимости. Правда, зависимость от безличной рыночной стихии психологически переносится легче, чем зависимость от вполне реальной личности бюрократа, узурпировавшего право распоряжаться общественной собственностью. Свободные рабочие места, если они не являются естественной потребностью организации производства, превращаются в личную вотчину чиновника.

Превращенная форма страшна не столько потому, что она скрывает от нас истину или видимость выдает за сущность. Беда в том, что человек с удовольствием (особенно, если ему выгодно) поддается на обман, начинает верить в реальность иллюзии, манипулируя видимостью как истиной. Он даже строит на ложных отношениях свои экономические расчеты и модели. Ведь именно так поступали все мы, когда серьезно обсуждали проблему дефицита кадров, требуя ее научного изучения, быстрых и эффективных решений, наконец, капиталовложений под дутые цифры.

Если с превращенной формой оперируют как с реальной, это очевидный признак того, что она приобрела черты какой-то квазисубстанциональности — самостоятельной, хотя и ложной первоосновы вещей. Превращенная безработица увеличивалась как раз в те годы (60-е), когда в стране был пик экстенсивного развития экономики. Пустые рабочие места создавались путем строительства новых предприятий (правда, сейчас обнаружилось более изощренные методы). Появление «мертвых душ» — не просто возникновение несуществующих людей, а как бы недееспособных. «Искусственно созданный дефицит рабочей силы предполагал, что те, кто должен прийти на созданные рабочие места, реально существуют, но поскольку претенденты не могли занять рабочие места,

которых на самом деле просто не было, то с формальной точки зрения эта рабочая сила признавалась недееспособной» [15, с. 36].

В двойном мире превращенной формы вначале все меняется местами, а затем связи, существовавшие раньше, удивительным образом запутываются. Несуществующие превращаются в недееспособных, хотя получают реальную зарплату. (Что уже является парадоксом, так как недееспособность — это, в сущности, отсутствие способности к труду, (а таких-то зачислять в штаты как раз нельзя). Будучи реальными потребителями (ибо получают всамделишную зарплату), они не являются никакими реальными производителями. Но не будучи производителями материальной продукции, как они могут получать деньги в качестве рабочих? Символические работники выполняют символический труд, но получают несимволические деньги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 48.
2. Маркс К. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
4. Mennell S. Sociological Theory: Uses and Unities. N. Y., 1974.
5. Seeman M. On the Meaning of Alienation//Amer. Sociol. Rev. 1959. Vol. 24. No. 6. P. 783-791.
6. Netter G. A Measure of Alienation//Amer. Sociol. Rev. 1957. Vol. 22. No. 6. P. 670-677.
7. Blauner R. Alienation and Freedom. Chicago. 1964.
8. Мамардашвили М. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
9. Тейлор Ф. У. Тейлор о тейлоризме. М.— Л., 1931.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1.
11. Лангштейн Н. М. Приоритет общенародных интересов — основа хозрасчета.//Социол. исслед. 1985. № 1. С. 26-35.
12. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
13. Ермоленко А. Н., Райда К. Ю. Превращенные формы социальной рациональности. Киев: Наук, думка, 1987. С. 145-146.
14. Бунич П. Дефицит и производство//Лит. газ. 1981. 2 дек.
15. Беляков Б. Н. Кому нужны «мертвые души»? (о воспроизводстве рабочих мест) // Социол. исслед. 1988. № 5.